И всё-таки будет по-русски!..

Размышления о рассказах Дмитрия Воронина

В российской литературе первых десятилетий XXI века, представляющей собой причудливый сплав жанров и стилей, трудится не столь много писателей, чьё творчество притягивает не авантюрностью фабулы, не «клубничкой» или искусственно нагнетаемым эпатажем, а совершенно иными качествами: изображением народной жизни без прикрас и лакировки, открытием и акцентированием проблем, которые волнуют, тревожат, будят протест и гнев, знакомы и понятны обычному человеку. Таковы рассказы Дмитрия Воронина – жёстко правдивые, вызывающие споры, ставящие неудобные вопросы и потому столь необходимые в наши дни.

Современная Россия в судьбах и характерах простых людей, которые живут, выживают, переживают, борются, радуются, страдают, смеются, шутят, мучаются, заботятся, сомневаются, безумствуют и гибнут, образует магистральную сюжетную линию рассказов Д. Воронина, пронизанных искренней и горькой болью за всё, что происходит с Россией и её народом, ввергнутым в экономическую и мировоззренческую турбулентность с плачевными последствиями.

Однако писатель вовсе не нытик и не казённый страдалец за родные кочки, как могут предположить некоторые. Он – обличитель и сатирик, прежде всего, и одновременно цепкий и вдумчивый наблюдатель, видящий в суетной мозаике обыденности цепочку социальных закономерностей…

В рассказе «Бедная Алка» писатель сталкивает двух бывших школьных подружек, которые спустя годы оказались на разных сословных берегах. Татьяна воплощает собой тяжёлый удел русских, подло изгнанных в 90-е годы на историческую родину аборигенами из национальных республик. Родина встретила её как чужую и незваную; мыкается бывший университетский преподаватель с дочками-близняшками по съёмным углам, бережёт каждый рубль. В конце концов, «*пересилив себя, Татьяна по великому блату устроилась на рынок продавцом в колбасный отдел. Эта работа давала ей возможность хоть как-то сводить концы с концами. Только жёсткая экономия, только самое-самое необходимое*».

Алка, жена крутого бизнесмена, с соответствующим статусным набором – от «Лексуса» до личных охранников и домработницы. Спутница нувориша выписана резкими гротескными штрихами: она сорит огромными суммами денег (и не только в рублях), бахвалится достижениями в виде недвижимости и… сетует на бедность:

«*Веришь, нет, у нас трёхэтажный особняк на взморье, квартира двести квадратов в центре, везде*

ремонт, и всё встало. Бедлам как у бомжей, жить негде, хоть в гостиницу съезжай».

Сурово насмешливая авторская сатира высвечивает нелепость подобного восприятия расхожей ситуации. Абсурд отдельного случая, саркастически зашифрованный в названии рассказа, превращается в апофеоз социальной несправедливости, повсеместно царящей, как повторил бы сегодня неистовый Виссарион, в «гнусной расейской действительности».

Широкий диапазон тем и разброс сюжетов, отражающих всю полифонию жизни, разнообразная по глубине и окраске эмоциональная насыщенность, явно не прокламируемое, но разлитое между строк авторское отношение к предмету повествования, сжатость и пружинистость действия – наиболее приметные черты и очевидные достоинства рассказов Д. Воронина. Лапидарность слога и содержательная ёмкость прозы сейчас востребованы по чисто прагматическим соображениям: читательская аудитория (за небольшим, наверное, исключением) отвыкла от вдумчивого медленного поглощения отменно длинных, сродни классическим, романов. А мастерское использование речевой характеристики персонажей, драматичность и темпоритм сюжетной интриги, гибкость диалогов придают его историям известную театральность (в данном аспекте они сопоставимы с малой прозой В. Шукшина). Убеждён, что рассказы Д. Воронина заиграли бы на театральной сцене свежими, неожиданными гранями и в традициях критического реализма XIX века обогатили бы текущую драматургию изрядной галереей принципиально новых, психологически точных типов «маленького человека».

* * *

Несколько рассказов писатель посвятил современной школе, что объяснимо и привлекательно: фундамент гражданственности, тесно связанной с патриотизмом и социальной ответственностью, закладывается именно там. Но как?

Сначала о хорошем. «Воздушный шарик» – рассказ тёплый и светлый, но с настораживающей деталью: учительница рисования не уловила нестандартность образного мышления первоклассника, и только мудрая любовь матери вернула сыну уверенность в себе. Прекрасно, но нет гарантии того, что учительское пренебрежение ограничится только данным эпизодом, и собственное мировидение ребёнка в дальнейшем будет не поощряться, а подавляться и подгоняться под требуемый стандарт.

Другие произведения – уже не та «школьная проза» 50–60-летней давности – с торжеством справедливости, полусентиментальным раскаянием виноватых за плохие поступки, отзывчивыми и понимающими педагогами. В постсоветской России школа изменилась кардинально – и не в лучшую сторону, стала головной болью для учителей, учеников и их родителей.

В рассказе «Диспут» хлёстко высмеяна фальшь сплошь и рядом проводимых для галочки «патриотических» школьных мероприятий. Стопроцентная бесполезность «диспута о Родине» (на деле выспреннего, начётнического монолога замдиректора по воспитательной работе Фаины Цезаревны Тарелкиной по прозвищу Тарелка) красочно иллюстрируется репликами учеников после его завершения:

«*–Что ты свой стул не взял?*

– А ты мне друг? Так если друг, возьми и отнеси, покажи, как Родину любишь.

– Сам отнесёшь, чурка нерусский!

– Что, в морду давно не получал, хохол?

– Эй, москаль, ты зачем бумажки разбросал?

– Хочу посмотреть, как Тарелка краснеет.

– Зойка, слышь, у тебя «Букварь» сохранился?

– А зачем тебе?

– Да хочу картинку найти, с которой Родина начинается.

– Их там много, я уже искала в прошлом году. Помнишь, Тарелка тогда то же самое долдонила?

– Витёк, а если бы немцы вернулись, что бы ты делал?

– Что? Ничего. У них порядок, и зарабатывают классно, уж хуже бы не стало.

– Ну, чё, Булкин, в армию пойдёшь, Родину защищать?

– Что я, с дуба грохнулся? Пускай Тарелка сама защищает свои речки и поля…»

Страшно не только содержание этих высказываний; страшно, что именно так мыслит теперь львиная доля «продвинутых» российских школьников, без тени сомнения считающих подобные рассуждения нормальными и адекватными. Куда заведут Россию эти жертвы ЕГЭ?

«Одинокая парта» – пожалуй, самый мрачный и безысходный рассказ из мной прочитанных. Шестиклассника Алёшу из неблагополучной семьи за кражу денег из кармана чужого пальто, которую он не совершал, и неряшливый вид травят и классный руководитель, и остальные учителя, и одноклассники. Школа предстаёт воплощением «лжи и лицемерия», тупого и тёмного зла, преследующего гонимого мальчика днём и ночью. Алёша мечется в экзистенциальном тупике: бьют его в школе, бьют и дома; ему, как сетовал Мармеладов у Достоевского, и «пойти некуда». Лишь воображаемая месть немного успокаивает издёрганные нервы:

«*Как ненавидел её [классного руководителя] Алёшка, её и всех остальных! Мысленно он расстреливал их, представляя, как они ползают перед ним на коленях, моля о пощаде.*

Но это было давно. А сейчас вязкая тоска обволакивала Алёшкино тело и тёмные его глаза были плотно затянуты плёнкой безразличия».

И хотя повествование в «Одинокой парте» ведётся от третьего лица, отстранённо, голоса писателя и его героя сливаются в единый крик облыжно оскорблённой души.

Полностью разделяю мнение одного из пользователей Интернета: «Дмитрий Воронин на отлично высветил болячки образованщины нынешнего дня».

С недавних пор мы пожинаем плоды столь эффективного метода «воспитания», прикрываемого ныне модным импортным словечком «буллинг»: взрывы и групповые расстрелы одноклассников в учебных заведениях из намерений превратились в жуткую – и повторяющуюся – реальность. Каждая такая трагедия вызывает взрыв медийного и сетевого негодования, обвинения в адрес

правоохранителей, агрессию по отношению к близким родственникам преступника вплоть до угрозы их линчевания. Но у юных «вершителей судеб» свой рефрейминг расправы: справедливое возмездие за все перенесённые унижения – физические и моральные. На чьей стороне правда в трансформированной временем, но вечно живой коллизии преступления и наказания?

Это – всего один из жгучих вопросов, которые неизбежно встают после знакомства с очередным рассказом Дмитрия Воронина. Его малая проза опирается, с одной стороны, на традиции отечественной литературной классики, с другой (об этом чуть ниже) – на опыт нереалистических художественных систем. Сделаем оговорку: не стоит ставить знак равенства между понятиями «опираться» и «заимствовать». Писатель не берёт у литературных предшественников продуктивные идейно-художественные решения как готовый шаблон; напротив, он преобразует конкретную традицию на новой фактической и художественной основе, придаёт ей иной оттенок, находит оригинальные способы её применения и, рисуя картины из жизни сегодняшней России с самой достоверной натуры, раскрывает свою творческую индивидуальность.

* * *

Рассказ «Параллельные миры», построенный на буквализации метафоры «достучаться до власти» (что никак не получается у отчаявшегося деревенского пенсионера), по сути, дал название вполне сложившемуся циклу его произведений в жанре фантасмагории – то озорной, то эсхатологической. Так, «Страшный сон» и «Президентский пример» возвращают нас в эпоху правления Б. Ельцина. За узнаваемой событийной канвой с разухабистыми деревенскими любителями выпить проступает чёткий сюр: друг на друга наслаиваются сон, поточное новостное вещание телеящика и монотонный быт. И хотя изображённое время – уже прошлое, оба рассказа обращены в грядущее – с серьёзными предупреждениями.

«Кот Винчи» писатель сам назвал «рассказом в стиле сюрр», создав в его рамках по канонам постмодернистской эстетики и в сочетании с пародированием забавное зазеркалье с очеловечившимся умным котом, с возникающими из небытия историческими фигурами, и куда, потеряв сознание от удара головой, переносится любитель пива Ванька Сюсюкин. Переносится не просто так, а с миссией «*найти личную, то есть фамильную формулу смысла жизни*». Выполнима ли сия миссия, если кругом правит бал абсурд, но «*думать вредно, понимаешь ли. Для здоровья*»? А не думать – сложно, услышав хотя бы доклад директора Детского дома № 5 Прасковьи Эмильевны Фурсенко самому Лаврентию Павловичу:

«*Просекли, ироды, что мы детишек в Штаты внедряем для развала американской экономики под видом усыновления, и программу нашу накрыли. А ведь только недавно для них такую замечательную вещь под названием ЕГЭ ввели, таких дебилов готовить начали, что любо-дорого, пальчики оближешь. И вот те на, решили тут всех оставить, а детишки уже того, запрограммированы на разрушение основ человеческого общежития*».

Камо грядеши? Вопрос этот проходит красной нитью сквозь прозу Дмитрия Воронина и постепенно дополняется вторым: или уже пришли? Сумрачной давящей футурологичностью, перетекающей в ощущение конца света, отличается рассказ «Венецианская трагедия». Губительная для «мусора» (= народа) грандиозная и безвкусная застройка (на деле радикальное уничтожение архитектурных и культурных ценностей) одной из жемчужин Европы, осуществляемая по указке фантомного мультимиллиардера-монсеньёра в перманентном раже самоутверждения, стиль его беседы с мэром города сродни галлюцинациям и бреду психически больного. Напрашивается парадоксальный

вывод: поведение олигархов и им подобных очень похоже на поведение сумасшедших. Впрочем, фантастическая (пока) венецианская трагедия давно материализовалась в российских городах и весях: там идут под снос или саморазрушаются заброшенные исторические здания и целые кварталы; на их месте, словно поганки после дождя, вырастают аляповатые строения, украшенные безликим сайдингом, или огромные «сити» из стекла и бетона – антидуховный модерн начала третьего тысячелетия.

Воистину, народ и власть существуют параллельно, т.е. не пересекаются ни в правах, ни в обязанностях…

Кто-то, возможно, упрекнёт писателя в том, что он-де «не выводит мораль». Однако художественно претворённые факты в его рассказах порой настолько жуткие, что не нуждаются в направляющих авторских оценках и публицистических инвективах. Стилистический конёк Д. Воронина – антифразис, эффектный приём иронии, когда в слова и предложения вкладывается совершенно противоположный смысл («Бедная Алка» – тому пример). Именно на антифразисе он выстроил сюжет рассказа «Честная служба» на взрывоопасную тему, который начинается так:

«*Михася Ярошука призывали в армию. Восемнадцать Михасю исполнилось в феврале, а в конце апреля уже и повестка подоспела – милости просим в доблестные войска, защищать честь Украины*».

Затем организуются проводы с двумя сотнями дорогих родственников и гостей, столы ломятся от сытных блюд и горячительных напитков; Михася торжественно напутствуют как будущего защитника «*и матери, деда своего и бабки, прадеда и прабабки и вот сестёр своих тоже*», призывают служить так же честно, как служили прапрадед, прадед, дед… В чём же заключалась «честность» их службы? Первый в Гражданскую войну был надзирателем в польском лагере для красноармейцев, унижал и убивал их, второй в составе зондеркоманды СС сжигал белорусские деревни вместе с жителями. Остальные тоже не лучше, с гнильцой в душе, да и чужой кровью замаранные. В повествование вплетены интересные исторические подробности, в частности, события 1968 года в Чехословакии и нахождение группы советских войск в Афганистане. Боевое же крещение Михася, как и на любой гражданской войне, обернулось братоубийством.

В этом рассказе Д. Воронин обнажил всю подоплёку оголтелой русофобии, закамуфлированной разглагольствованиями о высоких материях и дал достойный ответ любителям перелицовывать историю по националистическому лекалу. А она всегда жестоко мстит тем, кто не извлекает из неё уроков.

* * *

Нередко взор писателя обращается к российской деревне, где пока ещё теплится жизнь, налажен нехитрый порядок вещей, но тягостное впечатление не исчезает. Поиск заблудившейся коровы заканчивается сразу несколькими трагедиями («Туман»); слепая материнская любовь делает из ребёнка великовозрастного маменькиного сынка (тип весьма распространённый, к сожалению), который к 40 годам мог только требовать и в отличие от незабвенного Митрофанушки даже не горит желанием жениться («Бравый полковник»). Шокирует рассказ «Такси» об оказании ритуальных услуг тем, у кого нет денег на похороны близкого человека. Участь последнего – кошмарна: его последний путь – до кладбища – «*в аккуратном гробу, оббитом красной материей*»; в землю он уйдёт в чёрном полиэтиленовом пакете.

И так по конвейеру – разные люди в одном и том же гробу, как в такси… Что это – социально ориентированный бизнес или издевательство над живыми и мёртвыми? Ответ не так прост, как кажется.

Дмитрия Воронина остро удручает деградация той части народа, которая потеряла жизненные ориентиры и перспективы, а деформированную психику предпочитает выправлять употреблением алкоголя. Итог крайне печален: пьянство уродует и разрушает личность, вытравливает из неё всё доброе и достойное уважения. И тогда будет само собой разумеющимся занять на похороны отца денег в долг и не отдавать, ибо вместо скромных поминок был устроен «недельный пир» («Долг»); алкоголичка-жена сразу пропивает 300 рублей, выданные ей из личного кошелька сердобольной главы сельского поселения, а не занимается похоронами мужа («Сильная любовь»). Потрясает «логика» монолога женщины, решившей покончить с собой только потому, что её лишили целительного опохмела («Самоубийца»). Кодовое слово «опохмел» похлеще любого чипа управляет инстинктами и движет поступками подлинно отверженных (les misérables), выпавших из общества полулюдей-полузомби («Один день из жизни бича»). Законы их круга жестокие: за заначку в 50 рублей нарушителя интенсивно «*обрабатывают ногами*», а тот, оклемавшись к утру, счастлив, что не убили.

Но даже там, на дне существования, встречаются люди, сохранившие в себе человечность. Потеряв из-за жуликов квартиру, вынужденно переселяется на свалку ветеран войны Степан Ильич («Выпьем за Родину»). Вскоре он умирает, и бомжи – сортировщики зловонных мусорныхзалежей – нелегально хоронят его в соседней роще вместе с найденными за подкладкой ветхого пиджака боевыми наградами. «*Если такой человек при жизни этим властям не нужен оказался, то после смерти и подавно им он ни к чему. Сунут, как бомжа, в общую могилу, а ордена запарят и продадут. Пусть у нас будет своя могила героя, свой блокадник, свой неизвестный солдат*», – решает лидер обитателей свалки Витёк по прозвищу Солнышко.

Подлинность, почти документальность изображённых событий, колоритность народных, выхваченных из гущи жизни, характеров, небанальный ракурс видения, казалось бы, примелькавшихся проблем, разрыв шаблонов восприятия, равно как и концовки большинства рассказов, непредсказуемостью напоминающие новеллы О'Генри, определяют самобытность таланта Д. Воронина и силу воздействия его прозы на читателя.

Обратимся к рассказу «Жизнь и похороны бабы Насти», трагическому мини-эпосу о трудолюбивой и несчастной русской женщине. Долгожданный уход в лучший мир – в радость для неё и обвинение гуляки-мужа и сыновей, что «*пили да дрались, к матери только за едой и деньгами являлись*». Участковый же лишь руками разводил, он – «*лицо официальное, не положено ему в душу заглядывать*». А после похорон «*до поздней ночи пели и танцевали в доме у бабы Насти. Так что честь по чести схоронили и помянули, сердечную. Не хуже, чем у других*».

Не хуже, чем у других… Писатель вскрыл отвратительную нравственную язву, порождаемую пьянством, – обыдление, становящееся (или уже ставшее?) частью поминок, и не только их. Другое его обличье – одержимость опустившейся женщины желанием продать что угодно ради получения денег на очередное возлияние, которое окончательно вытеснило из её сознания святое чувство материнства; она, нимало не задумываясь, решается на самое дикое и мерзкое по отношению к 12-летней дочери («Товар»).

Неужели Дмитрий Воронин вынес окончательный приговор русскому народу, дошедшему до края нравственной пропасти или уже шагнувшему в её бездну? То, что раньше было из ряда вон выходящим, аморальным и порочным, не укладывалось в здравый смысл, в его рассказах – уже повседневность, в какой-то мере принимаемая обществом как нечто осуждаемое и в то же время допустимое и даже оправдываемое ситуацией. Писатель заострил проблему сопротивления человека

внешним обстоятельствам и показал, что далеко не каждый способен или готов им противостоять, сохранять упорство в преодолении жизненных преград; кто-то плывёт по течению, нищает или деградирует до маргинала.

Всплывают два сакраментальных русских вопроса: «кто виноват?» и «что делать?» Думаю, Д. Воронин каждым рассказом предлагает, но не формулирует ответы на них, предоставляя читателям право выбрать свои варианты. В этом плане выделяется рассказ «Миротворец». Его главный герой – рыжий мужичок по прозвищу «Костыль» – в пьяном угаре, когда и море по колено, и горы по плечо, готов на великие дела: защитить братьев-славян, разогнать НАТО, взять Вашингтон и вернуть Аляску, но, проспавшись, напрочь «забывает» о вчерашних героических намерениях.

Костыль – типаж весьма занятный и неоднозначный. Он – деревенский баламут и, может быть, даже современный аналог юродивого. На Руси юродство считалось духовно-аскетическим подвигом; юродивый вёл себя как лишённый рассудка человек, подвергаясь по этой причине насмешкам и унижениям. Но он также обличал зло преимущественно в иносказательной форме.

Над Костылём тоже смеются односельчане, а его жена, подзуживаемая толпой, расписывает, как этот «*освободитель чокнутый*», «*вояка голозадый*» и «*пьянь несусветная*» распинался перед ней в одних трусах:

«*Мы, говорит, и тут порядок наведём, когда возвернёмся. Сразу, мол, как прилетим, десант на Кремль сбросим, всех заарестуем и разберёмся, кто там у них в предателях числится, кто нашу страну империлистам продавал. Всех, кричит, в лагеря, на Колыму, в пожизненное заключение на хлеб и воду, а потом новую жизнь зачнём строить. …колхозы восстановим, деньги вовремя платить начнём, всех чиновников в районе в дерьмочисты переведём, а нашу бухгалтерию – им в помощники. Зарплату положим для них рублей в десять, доллар отменим и всех спекулянтов землю пахать пошлём*».

А ведь Костыль озвучил надежды и чаяния обездоленных россиян и, в общем-то, сказал, ЧТО делать – конкретно и без аллегорий. И потешающиеся над Костылём мужики, в душе, конечно, полностью с ним согласны…

Яд морального разложения отравил и управляющие «верхи», причём не в меньшей, а, пожалуй, в значительно большей степени, чем бедствующие «низы». Конфликт вокруг самодельного памятника в виде ордена Отечественной войны, ставшего препятствием для едущих к новому свинокомплексу большегрузов, можно было погасить цивилизованно, не записывая деда Андрея, бывшего председателя колхоза, Героя Социалистического Труда, и его правнука в «экстремисты» («На Берлин»). Однако хозяин района использовал испытанные способы «убеждения» масс:

«*Народ – моя забота. Успокоим, если что. Кого водкой, кого баблом, кого мордой о стол. Нам не впервой, опыт большой за плечами. Я не через одни выборы прошёл, всяких технологий набрался, больше тридцати лет у власти…*»

Финал рассказа разоблачает лицемерие районных властей, организующих 9 мая показушное празднование, а дед Андрей, которому полицейские за невыполнение законных требований «*медали из пиджака выдрали… и в землю втоптали*», в грёзах или, скорее всего, уже за гранью бытия шестилетним мальчишкой Андрейкой вновь призывает проходящих мимо него советских солдат вернуться с победой. Идут же они теперь не на запад, а на восток, «*своих супостатов из Отечества изгонять*».

Просматривается в рассказе и антиутопический подтекст: в речах и поведении официальных лиц проступают контуры полицейского государства.

На фоне напыщенных разговоров о Победе сейчас всё больше открыто глумятся над ней наши внешние и внутренние враги. Внешние понятно почему, да и что с них возьмёшь? Но чем объяснить тот факт, что в стране, которая вынесла на себе неподъёмную ни для какого другого государства тяжесть войны и огромной кровью спасла мир от фашистской чумы, накануне 75-летия Великой Победы то фото Гитлера разместят в галерее «Имена героев», то украсят на баннере георгиевской ленточкой марширующих солдат вермахта, то публично выдадут кощунственную тираду о «победобесии»? Ничем, кроме дьявольского стремления навсегда вытравить из народа подлинную память о Великой Отечественной войне, подменить Победу в ней пустым симулякром, оболгать её героев, навязать ныне живущим и будущим поколениям духовный нигилизм.

И всё же рассказы Дмитрия Воронина не оставляют после себя осадка вселенской скорби. В его творческом багаже есть и житейские истории, вызывающие добродушную улыбку, веселящие курьёзами («В Париж», «Крохобор», «Клад», «Акула», «Поздняя месть» и др.). Юмор – дело хорошее, но хотелось бы встретить в новых произведениях Д. Воронина побольше положительных героев – сельчан и горожан, благодаря которым ещё держится Россия. Таких, как два пожилых приятеля, готовых помочь даже попавшим в беду парням, промышляющим дачным воровством:

«*– Так получается, что парни-то эти, те воры, которые мимо нас поутру проскочили?*

– Ну, а кто ж ещё? Да и узнал я этого, которого Андрюхой звать. Он нынешней зимой несколько раз крутился по деревне, видал его.

– Так, может, того, Ген, ну их! Что, мы им обязаны, что ли? Сам говоришь, что воры, так и чего помогать.

– А воры что, не люди, что ли? Э, нет, Саня, надо помочь. А как же?

– Ген, так ты им поможешь, а они опять тебя за шкирятник?

– Не-е, Сань, не станут, у них тоже совесть своя имеется! Это ж не Чубайс какой, что вовсе без совести. У нормальных воров её никто не отменял. Да и что мы, не русские с тобой, что ли, а, Сань?

– Русские, Ген, конечно, русские!

– Вот то-то и оно, Сань, что русские. А какой же русский-то в беде человека оставит? Да ещё и своего же, такого же русского. Не по-русски будет! Так что поехали по-быстрому дела делать. А то ещё и вправду наши воры замёрзнут, к вечеру-то морозец студёный обещали» («Воры»).

Будет по-русски, а значит, по совести, по справедливости, по высшему нравственному закону, по народной правде… Должно быть.

Выдающийся прозаик и публицист Фёдор Абрамов писал: «Самое трудное – увидеть вещи, события, людей в их истинном свете, без прикрас, без иллюзий, без ожесточения. Надо быть не правдоискателем, а правдоустроителем». Искоренить социальные и душевные недуги можно лишь обнародованием бескомпромиссной правды о них, неприятием и разоблачением всего, что нацелено на умаление народа, что разрушает цивилизационные основы его бытия – призвание и долг истинно русского писателя. По этому пути твёрдо и уверенно идёт Дмитрий Воронин.

Александр Бойников,

кандидат филологических наук,
член Союза писателей России,
г. Тверь

Добавить комментарий

Комментарии